

ПРОЛОГ

Все, что можно сказать наверняка: это боевой флот. Я уверен.

— Колдун-визионер отлип от прибора и потер кулаками глаза. Края магического оконца, связанного с могущественным артефактом на вершине горы, были обиты мягким черным материалом, его контуры грубо повторяли рельеф верхней части лица. От времени вещество высохло и растрескалось.

Визионер не первый год работал с Оком и давно перестал удивляться магии Древних, чудо превратилось для него в обязанность. Второй колдун, намного младше первого, совсем юнец, тут же приник к освободившемуся местечку. Он совсем недавно окончил ученичество и получил статус младшего чародея, так что ему работа с наследием Древних была в диковинку.

— Как ты можешь быть уверен, если все расплывается? Всевидящее Око сбоят... Слушай, а может, это птицы виноваты?

— Нет, не птицы. А ну, пусти меня! — первый снова всмотрелся в тусклое оконце. — Во-первых, на такую высоту птицы залетают очень редко, а во-вторых, если бы Всевидящее Око загадили фейзулы, я бы видел потеки. А у нас, видишь, все как в тумане. Охо-хо, придется подниматься вдоль жилы и прове-

рять, нет ли повреждений. Но сперва вызовем кого-нибудь из службы безопасности. Им следует узнать, что флот Народа Дня движется к Джейхуру.

— Ладно. — Младший чародей прочел краткое заклинание и осторожно прижал ладонью большой красный круг на стене, левый из трех одинаковых. — А с чего ты взял, что это боевой флот и что он идет к Джейхуру?

— Для купеческого каравана их слишком много, значит — это флот с десантом. Ну а кроме Джейхура в той стороне у Ночных не осталось ничего примечательного. Вызвал?

— Да.

Младший перестал давить на красную клавишу, она медленно вернулась на место. Этот круг был матовый, потертый, его пересекала извилистая трещина с вьезшейся черной грязью. Слишком часто наблюдатели пользовались левой кнопкой.

Правая, означающая нападение на горный Замок чародеев, блестела, будто мокрая, — она сохранила первоначальный вид, какой придали ей Древние мастера, когда создавали систему магической связи, жилы которой пронизывали толщу скал и связывали вырубленные в камне помещения нижних ярусов замка. Младший поглядел на кнопку, затем его взгляд скользнул по стенам — шершавым, покрытым продольными рубцами. Следы орудий Древних. Предки владели огромной мощностью, они крушили скалы, прорезая каменное чрево гор и поднимая башни и шпили верхних ярусов. Но и эта титаническая работа — ничто по сравнению с катаклизмом, случившимся, когда Древние завершили небесные странствия и сошли с небес на горную гряду. Великие горы разделя-

ли континент на почти равные части и казались несокрушимыми — покуда не появились Древние.

Маги спустились в пламени и громе, тряслась земля, рушились горные пики и выкипело большое озеро. В итоге образовалась Долина Колдунов — глубокий каньон, прорезавший горы и соединивший Народ Дня и Народ Ночи коротким путем. Во всяком случае, так утверждают предания Ночных.

С тех пор миновали века, многие заклинания утрачены, магическая сила в артефактах иссякла, тем сильнейшее благоговение вызывает мощь Древних у юных адептов тайного знания.

Наблюдатель постарше уже перестал удивляться старинным чудесам, невозможно без конца дивиться тому, чем пользуешься ежедневно, что ломается в твоих руках и что иногда удается восстановить. Первый колдун снова наблюдал изображение, передаваемое Всевидящим Оком, вознесенным на высоченную скалу над Замком. Маг сердито бурчал, что и теперь придется, видимо, карабкаться к артефакту, прощупывая на ходу жилу, и заниматься этим предстоит как раз ему, старшему наблюдателю...

Постучали. Младший наблюдатель глянул в крошечное круглое оконце, прорезанное в двери, и впустил пришельца. Явился Джеремиа Свифт — первый заместитель Андараха Луми, возглавляющего службу безопасности Замка. Джеремиа — среднего роста, худой, очень узкий в бедрах. Его загорелое лицо казалось нарисованным на бумаге — это впечатление возникало из-за шрама, который тянулся от уголка губ через впалую щеку, левую бровь, пересекал лоб и исчезал под коротко стриженными волосами. Дальше линию продолжала тоненькая, будто нитка, прядь седых волос. Шрам был старый и едва выделялся розо-

вым оттенком на загорелой коже. Одет маг-воин был в мягкую куртку из кожи серого ангварга и короткие брюки. На поясе — широкий нож. В Замке считали, что Свифт, хотя и отменно владеет всеми видами оружия, как древнего, так и современного, никогда не возглавит службу безопасности, потому что не вышел ростом и сложением. Чтобы управляться с боевыми артефактами Древних, требуется куда более тяжелое тело. Когда имеешь дело с магией, все имеет значение — даже вес чародея.

Младший наблюдатель посторонился, Свифт сразу же направился к магическому оконцу.

— Ну, что у вас? — на ходу бросил он.

— Флот Дневных. Направляется, конечно, к Джейхуру. Всевидящее Око сбоит, я отправляюсь наверх, проверить. Джеремя, ты подежуришь здесь? Я скажу твоим, что ты остался наблюдать.

По уставу полагалось, чтобы в комнате с оконцем непременно находилось двое колдунов. Маг-воин склонился к оконцу. Старший наблюдатель направился к стенному шкафу и принялся разбирать снаряжение для подъема на вершину к Всевидящему Оку: страховочные пояса, ритуальные дыхательные маски, баллоны и прочее.

— погоди! — остановил его Свифт.

Минуту все молчали. Потом Джеремя, не прерывая наблюдения, велел:

— Проверь питание усилителя сигнала.

Старший дежурный захлопнул дверцы шкафа и прошел через комнату. На противоположной стене выстроились в два ряда плоские черные коробочки, к которым сходились протянутые в каменных ложах жилы. Младший засунул ладони в рукава просторной хламиды и замер — он был здесь самым неопытным,

ему надлежало молчать, не мешать, наблюдать и запоминать. Если велют — помочь.

— Великие звезды! Магия иссякла в усилителе!

— Проверь сперва, что с магией усилителя. Вероятно, Всевидящее Око в порядке, и тебе не придется взбираться на скалу, а мне — торчать здесь целый день.

— Я добавлю магии из запасного источника, — виновато промолвил наблюдатель и осторожно повернул тоненький стержень на одной из коробок.

— Ага, другое дело, — отозвался Джеремиа. — Картинка стала четче.

Пальцы мага-воина медленно проворачивали колесики настройки. Он видел на зеленой блестящей глади моря десятки кораблей — впереди длинные узкие боевые суда, за ними — широкие транспортные посудины. Сидят низко — значит, везут большой груз. Наблюдатель, конечно, прав, они следуют к Джейхуру, последнему крупному порту, который все еще остается в руках Ночных. Наверняка южане затевают крупную операцию. Если так, то и сухопутные войска должны подтянуться из ближайших крепостей Народа Дня... Джеремиа быстрее завертел колесиками, разворачивая картину в колдовском оконце. Белые ниточки дорог были пусты.

С другой стороны, это ничего не значило, пешие части могут выступить позже, наверняка ударные отряды сосредоточены в ближайших к Джейхуру портах Дневных, а флоту потребуется не меньше дня или двух, чтобы достичь цели.

Наконец Свифт выпрямился и обернулся к наблюдателям.

— Продолжайте следить за продвижением флота. Поглядывайте изредка на дороги, ведущие к Джейхуру, не покажутся ли отряды Дневных. Я передам техникам, чтобы проверили питание усилителя.

Когда дверь за воином захлопнулась, старший наблюдатель подмигнул товарищу. Выждал немного, чтобы Джеремия отошел подальше и не мог слышать, после сказал:

— Повезло.

— Чего?

— Свифт никому не станет говорить, что я оплошал. Повезло, что именно он явился по вызову.

— А-а... Слушай, давно собираюсь спросить... Откуда у него этот странный шрам?

— Вот и тебе повезло.

— В чем повезло?

— Что ты спросил об этом меня, а не Свифта.

— Он не ответит?

— В лучшем случае — просто не ответит.

— А в худшем?

— Лучше не спрашивай Свифта, поверь мне на слово — целей будешь. Его злит, когда интересуются происхождением шрама.

— М-да... Ладно, дай я погляжу на флот Дневных.

— Ну, погляди, — старшему было не слишком интересно, а юнец пусть развлекается, — потом дороги проверь. Хотя скорей уж сначала флот высадит десант, а уж потом выступят подкрепления. Они не будут спешить, побоятся, что кавалерия Ночных застигнет на марше.

— А я думал, Ночные не знают о кораблях.

— Наверное, не знают. Мы им сообщим. Ради равновесия. Дневные и так стали намного сильнее, а если захватят Джейхур — Народ Ночи, считай, проиграл. Тогда и равновесию конец. Джеремия доложит Андараху, тот верховному магу, а уж верховный велит известить Лашмана.

Джейхур

Лашман натянул поводья. Черный ангварг послушно остановился. Королю Ночи положено ездить на черном животном и носить черные одежды, но здесь, вдали от тени великих гор, ритуальный наряд становится неудобством. Солнце нагревает черные доспехи, и королю жарко. Его ангварг тоже дышит тяжело, черная шкура лоснится под ремнями, охватывающими мускулистые бока. Ремни сходятся на широкой груди и перекрещиваются между маленьких передних лапок, ангварг шевелит конечностями, коготки подрагивают.

Зверь переступил мощными задними лапами, подняв облачко серо-зеленой пыли. Он устал, четвертый день марша подходит к концу.

Лашман стащил тяжелый шлем и повернул голову. Его кавалерия растянулась по дороге. Все устали, но Джейхур уже близко. Скоро отдых, потому что сражение начнется только после заката, когда Ночные смогут призвать из глубин больших шерванов. Чаглави, королевский оруженосец, остановил своего ангварга чуть позади черного зверя Лашмана.

— Плохо видно, — пожаловался юноша.

Впереди лежала широкая плоская равнина, на другой стороне которой Джейхурская бухта и город. Яркое солнце заливает плоскую степь слепящим светом, лучи отражаются от светлой поверхности, над

землей встает душное марево, все расплывается и бледнеет. Король обратил к оруженосцу тяжелое лицо, бледное, бесформенное, похожее на кусок сырой глины, только что исторгнутый гончарным шерваном. Сходство усиливалось из-за струек пота, сбегавших по складкам серой кожи.

— Ничего, Чаглави. Скоро солнце сядет, и мир придет в равновесие.

— А что там, повелитель, впереди? Это уже Джейхур?

— Да. Едва стемнеет, ты разглядишь стены города и осадные сооружения Дневных. Вон там, различаешь? Серые высокие фигуры. Это их башни. Они возвышаются над равниной.

— Я вижу, повелитель. Над ними блестящие точки.

— Полированная медь. Большие круглые щиты, вогнутые вовнутрь, будто на них надавили каменным шаром. В полированной меди заключена магия, ты увидишь нынче ночью. Это ведь твое первое большое сражение?

— Да, повелитель... Очень плохо, что они успели поставить башни.

Чаглави не хотелось говорить о том, как он юн и неопытен.

— Они понимают, что мы нападём ночью, как всегда.

— Если бы колдуны предупредили нас пораньше, Дневные не успели бы поставить башен. Что им стоило известить нас заранее?

Король покачал тяжелой головой. Черный ангварг выгнул шею, чтобы глянуть на наездника: чего он шевелится?

— Горные колдуны могли вовсе не сообщать мне о появлении флота Дневных. Прежде они всегда бы-

ли на стороне варваров. Кто знает, что теперь на уме у хитрых чародеев? Если бы они не послали мне весть, я б наверняка опоздал к Джейхуру, и, явившись на берег, мы нашли здесь только руины. Благодаря колдунам мы успели прежде, чем город пал. Теперь будет битва.

— Чародеям выгодно, когда мы убиваем друг друга?

— Кто знает...

Отставшие кавалеристы подтянулись, и Лашман слышал позади топот и тяжелое дыхание ангваргов. Он ткнул пятками своего зверя в бока, черный потрусил дальше. Еще немного — и Лашман остановит кавалерию. Ангварги и всадники отдохнут. А после заката — битва. Со стен Джейхура их заметили. Заметили их также и Дневные с высоченных башен.

— Я думаю, — на ходу бросил оруженосцу король, — чародеям выгодно, когда ни мы, ни Дневные не одерживаем окончательной победы. Пока мы заняты войной, на их горную твердыню никто не покушается. Поэтому они оказывали поддержку Дневным, пока мы были сильнее, а теперь вот помогли мне отстоять Джейхур.

Чаглави ничего не ответил, он наверняка был согласен: город спасен. Воин, готовясь к битве, не сомневается в победе. Но Лашман знал, что битва будет не из легких. Дневные становятся сильнее с каждым годом... Король задумался.

Чаглави прервал размышления повелителя Ночи:

— Владыка, а разве кто-то может угрожать колдунам в их Замке? Кто в силах победить чародеев? До сих пор это никому не удавалось.

— И не удастся, пока мы и Дневные заняты друг

другом. Потому-то чародеи помогали Дневным, пока сильней были мы. А теперь помогают нам. Видимо, таково их понимание равновесия.

* * *

Лашман остановил кавалерию на значительном расстоянии от берега. Здесь можно было не опасаться, что Дневные нападут. Трусливые варвары ни за что не осмелятся нападать вдаль от кораблей. Их много, наверняка больше пяти тысяч, но на равнине пешие южане уступают тяжелой кавалерии Народа Ночи, к тому же они не решатся подставить тыл под удар из Джейхура. В городе большой гарнизон.

Воины расседлали ангваргов и пустили в болотце. Здесь, на опаленной солнцем равнине, заканчивал бег один из ручейков, питаемых ледниками великих гор. Пресная вода смешивалась в низине с соленой жижей, выступающей из-под земли. Когда колдуны сошли с небес, была буря и трясение тверди. Море выплеснулось из берегов, прошли гигантские волны, которые достигли этого места... С тех пор миновали века — но до сих пор воды в болоте солонь. С другой стороны, существуют естественные процессы, вследствие которых морская вода просачивается в подземные полости. В Джейхуре пьют воду, поставляемую шерванами-опреснителями. Интересно, как Дневные получают пресную воду на побережье? Еще одно хитрое волшебство, полученное от горных колдунов? Или они научились приручать опреснителей? Вряд ли, они боятся шерванов и не умеют обращаться с ними.

Народ Дня — хитрые бестии, они черпают из двух сосудов, выпрашивают у колдунов и воруют у Ночных.

Воины Лашмана напились из ручья и расположи-

лись на берегу. Часть доспехов они сняли. Солнце к вечеру не такое жаркое, так что кавалеристы подставляли его лучам крупные массивные тела. Король с удовольствием оглядел соратников. Несмотря на четырехдневный марш, они выглядели внушительно и грозно.

Ночной из касты воинов едва ли не вдвое тяжелей среднего мужчины Народа Дня. Если поставить рядом, можно и не догадаться, что они представители родственных племен. Родство, конечно, очень отдаленное — как можно равнять благородного воина с убогими Дневными?

В болоте шумно возились ангварги, погружались, поднимали мутные волны, выныривали с добычей в зубах, чавкали. За вечер звери восстановят силы. Лашман устало опустил веки. Что ждет ночью? Король поглядел в западную сторону. Осторожно, чтобы не коснуться взглядом слепящего круга солнца. Еще час, пожалуй, и светило скроется. Потом два часа, и наступит настоящая тьма, соответствующая равновесию.

Чаглави встал и прошелся. Юноше нелегко усидеть, ему охота двигаться, будь его воля — уже скакал бы в бой. Эх, молодость, молодость...

В болоте завозились ангварги. Черный скакун короля и чей-то полосатый одновременно ухватили крайвака, и каждый потянул в свою сторону. Земноводное заверещало от боли. Тело крайвака вытянулось, черный ангварг вздыбился в мокром месиве, приподнимаясь, во все стороны пошли волны, тяжелые, маслянистые, клочья зеленой тины и круглые листья водных растений заплясали, поднимаясь и опускаясь. Полосатый, смирясь, разжал челюсти. Черный

победно захрипел, мотнул головой, поудобней перехватывая безвольно обвисшую тушку крайвака.

— Добрый знак! Добрый знак! Черный победил! Счастливое предзнаменование! — зашумели воины.

Суеверные. Черный ангварг Лашмана — самый сильный самец, ведь король бы не стал ездить на другом. В победе над полосатым нет ничего неожиданного, вожак умеет заставить любого отдать добычу. Но воины радуются — радуется даже тот, которому принадлежит полосатый скакун. Ему-то что пророчит поражение собственного зверя?

Пусть радуются. Пусть. А король не нуждается в предзнаменованиях, он уверен в победе...

Всколыхнулась сетка зеленых побегов на мутной поверхности воды, рядом с черным вынырнул светло-серый ангварг, сжимая крайвака — вдвое большего, чем тот, из-за которого дрались вожак и полосатый самец. Возможно, окажись здесь жрец-толкователь, сказал бы, что серый — это горные колдуны...

* * *

Когда стемнело, воины стали готовиться к битве. Свистом созвали ангваргов. Звери, отдохнувшие, остудившие бока в прохладной воде, выбирались на берег и, вытягивая длинные шеи, вразвалку брели к хозяевам. Сейчас, глядя на округлые чрева животных, по которым стекают грязные струйки, трудно поверить, что ангварги могут стремительно мчаться в бой, неся на спине всадника в тяжелых латах, ураганом врываться в ряды вражеской пехоты, молниеносно разворачиваться и совершать огромные прыжки.

Кавалеристы спешили навстречу зверям, опускали на спины седла, стягивали ремнями шершавые бока. Ангварги выворачивали шеи, косились круглыми

выпуклыми глазищами на седоков. Они, как и хозяева, предпочитают темень. Они дети Ночи.

Лашман неторопливо облачился в тяжелую броню, составленную из щитков ванмара. Гибкие сочленения были вырезаны из суставов и позвонков, между собой склеены при помощи проваренных выделений клеевого шервана. Сверху броню покрывала лакированная шкура ангварга.

Чаглави помог господину застегнуть пряжки, подал ножны с клинком, выточенным из зуба морского шервана, именуемого еще зофом. Снаряжая короля, юноша то и дело оглядывался и через плечо настороженно посматривал на Джейхур. В стороне от города, среди звезд, зажглись красные огни на башнях Дневных. Варвары расположили лагерь на скалистых холмах, где им не страшны шерваны. В городе огней не было — Ночные в Джейхуре лучше чувствовали себя в темноте.

Теперь, когда исчезло марево, клубившееся над прибрежными болотами, королевские бойцы рассмотрели как следует осажденную крепость. Дневные успели многое — возвели под стенами решетчатые конструкции, на которые опирались пандусы, полого восходящие к брустверу джейхурских стен. Эти акведуки были сделаны из полых стеблей джуда, легких и прочных. Здесь, в болотах, Дневные не могли воспользоваться своими излюбленными материалами — металлом, камнем и обожженной глиной, — влажная почва не выдержала бы тяжелых сооружений.

Лашман ощутил дрожь почвы под ногами — осажденные начали. Они выпустили шерванов, и черви приступили к работе. Немного рановато, подумал король. Жители Джейхура напуганы, слишком велик десант Дневных, и очень уж энергично они в этот раз

приступили к осаде. К тому же подоспели отряды варваров из крепостей, которые Дневные удерживают здесь, на побережье.

Горожане спешат начать пораньше, чтобы за ночь сделать больше. Торопятся вынудить Дневных выйти из лагеря, спуститься со скал — тогда джейхурцы выпустят большого шервана, а король получит возможность атаковать кавалерией.

Воины заканчивали облачаться и седлать ангваргов. Лашман сел в седло — это послужило знаком, его люди стали собираться вокруг короля. Они на ходу подгоняли снаряжение, поводили плечами, проверяя, как держатся латы, не мешают ли размаху. Рядом торопливо возился Чаглави — помогая господину, юноша сам не успел снарядиться. Ему было легче, чем старым дружинникам, его кости еще не отяжелели, а суставы не утратили гибкости. Пока что Чаглави сложением скорей напоминает Дневного, такой же легкий и тонкий. Он успеет скорей, чем тяжелые могучие воины.

И в самом деле, оруженосец занял место позади короля прежде, чем последние кавалеристы закончили возиться с оружием и сбруей. Наконец они были готовы. Лашман не оборачивался, но хорошо слышал, как шумно дышат ангварги и наездники, как чавкает влажная почва под широкими лапами зверей. В болоте возились, шумно харкая, крайваки... Завели однообразную заунывную песню мелкие земноводные. Здесь, в солоноватой воде, зверье было крупней, чем в холодных чистых струях у ночных склонов великих гор... но и это — земля Лашмана. Она необходима Народу Ночи, необходим порт, из которого караваны судов уходят к континенту Амагар, где живут родственные Ночным народы... Понимают это и

Дневные — потому и захватывают, шаг за шагом, побережье, заселяют крепости у моря своими колонистами. Джейхур — самый крупный порт, которым владеют Ночные, единственный порт, где можно собрать караван больших океанских кораблей. Здесь, вдали от столицы и ночного склона великих гор, решается судьба мира.

* * *

Дрожь почвы стала сильнее, болото захлюпало — тяжелая, перемешанная с илом вода плескала в берега. Мелкие ночные зверушки смолкли, напуганные непривычным поведением родной стихии. Под стенами Джейхура шерваны буравили мягкую соленую почву побережья, подкапываясь под выстроенные Дневными пандусы. Сейчас трудятся небольшие черви, длиной шагов по десять-пятнадцать. В городе есть огромный шерван, но его берегут для битвы.

Вот снова вздрогнула земля, один из пандусов с треском стал складываться, оседая и проваливаясь внутрь себя. Распустились связи из мягкого волокна, вертикальные джудовые стержни выскочили из упоров, и верхний слой решетчатой конструкции рухнул. Искусство осады крепостей оттачивалось веками, и все приемы обе стороны довели до совершенства. Дневные научились поражать шерванов, разрушающих пандусы. Концы стержней верхнего ряда отточены, словно копья, и обожжены. Стоит шервану подрыть основание конструкции, они падают, набирая разгон, пронзают мягкую взрыхленную почву и убивают червя, который работает на глубине в два человеческих роста. Искусство погонщиков состоит в том, чтобы вести шервана не под самый пандус, а рядом — так, чтобы основание осадной конструкции

оказалось подрыто, но острые копыта миновали тружеников. Промахиваться нельзя — если червь проложит тоннель слишком далеко от основания, пандус устоит.

В этот раз погонщик не справился. Земля содрогнулась, когда конструкция рухнула, а затем под ногами прокатились еще три волны, каждая последующая слабей, чем прежняя... Пронзенный шерван рванулся в агонии, но джудовые стержни прошли сквозь мягкое туловище насквозь, и червь предсмертными рывками обрушил тоннель, но не сумел освободиться. Скорей всего, погонщик погиб вместе со зверем. От сотрясения рухнул соседний пандус. На этот раз шерван, похоже, уцелел. На стенах закричали джейхурцы, приветствуя успех погонщика. Ангварги, волнуясь, пританцовывали, перебирали лапами на месте, строй кавалеристов шевелился и гремел оружием позади короля.

— Приготовьтесь! — велел Лашман.

В этой команде не было нужды, дружинники знали, что случится дальше, однако воинам необходимо иногда слышать голос владыки — особенно во время вынужденного ожидания.

Красные огни в небесах стали разгораться, становились шире и белее, приобретали форму. Дневные тоже понимали, что сейчас-то и начнется битва, но берегли топливо волшебных светильников на башнях, так что начали подкладывать его в огонь только теперь.

Закачался третий пандус, но устоял, затем начал разваливаться четвертый, последний. Этот оказался плохо скреплен, так что первыми не выдержали не вертикальные, а продольные связи. Часть конструкции, примыкающая к стене Джейхура, осела — да так

метко, что подземная дрожь возвестила о гибели шервана. Но большее число решетчатых секций устояло.

Можно было направить против поврежденных конструкций новых шерванов, но джейхурцы по-прежнему спешили. Городские ворота распахнулись, наружу хлынула толпа. Впереди воины — они пытались выдерживать строй, но сзади напирали и толкались работники. Так что воинам пришлось поспешить и продвинуться дальше на равнину, чтобы дать возможность горожанам скорей бежать к поврежденным пандусам. Ночные стремились разрушить остатки осадных сооружений, растащить, разметать и уволочь все, что удастся, в город. Вряд ли у осаждающих большой запас джуда на кораблях.

Солдаты джейхурского гарнизона стали выстраиваться на равнине. Огни на башнях вспыхнули ярче, полосы света выхватили из мрака ряды Ночных и пыль, стоящую в воздухе. На сырых топких берегах нечему было пылить, облака мелкого праха источали разрушенные сооружения осаждающих.

На холмах у берега раздалось мерное бряцанье металлического оружия — Дневные тесными рядами спускались на равнину, чтобы напасть на горожан.

* * *

Лашман, вглядываясь в ночь, тяжело перевел дыхание. Сердце забило немного чаще. Наступал решающий момент, сейчас все начнется... и закончится. Огонь на башнях Дневных разгорался все ярче, столбы света шарили по равнине, отыскивая то густые толпы горожан, копошащихся, будто насекомые, на руинах пандусов, то нестройные шеренги воинов джейхурского гарнизона. Иногда луч сдвигался назад и захватывал блестящие полированной медью строй-

ные колонны варваров. Перед металлическими рядами Дневных взорвалась земля, вспухла бесформенно-округлая голова небольшого шервана. Джейхурцы снова поспешили.

Король поднял руку, растопыренные пальцы четко вырисовались на фоне серых облаков пыли, подсвеченных волшебными огнями с башен... Лашман махнул — и первым погнал ангварга на равнину. Тяжело топоча и хлюпая в лужах, кавалерия двинулась за королем. Около четырех сотен тяжеловооруженных всадников — их недостаточно, чтобы взломать стройные колонны и растоптать десант Дневных. Поэтому Лашман не спешил, он собирался подобраться поближе, выждать подходящий момент — и тогда уж ударить! Один короткий рывок, тяжелый натиск...

Шерван на равнине вздымался все выше, задирая мягкую голову. В складках податливой полупрозрачной плоти темным сгустком выделялась фигура погонщика. Воины Дня остановились, выставили пики. Тут разом вспыхнули ослепительно-яркие огни на башнях, варвары бросили на огонь магическое топливо, к шервану устремились колонны белого, будто дневного, света. Лашман остановил кавалерию, рядом тихо застонал Чаглави, пораженный невиданным зрелищем.

Зверь пронзительно засипел, в ярком блеске волшебных лучей сырая плоть шервана задымилась, стала плавиться, проседать и разваливаться. Сила Ночи уступала дневному свету. Червь взметнулся из влажной земли, в стороны полетели ворохи мутной грязи, голова умирающего шервана раскачивалась на высоте двух человеческих ростов, наконечники пик Дневных раскачивались в такт, следуя конвульсиям зверя. Погонщик вывалился из шейных складок, скатился на

землю, упал, вскочил, снова упал... приволакивая ногу, пополз от агонизирующего, исторгающего потоки мутной жидкости, шервана. Ночные из джейхурского гарнизона пустили в ход пращи. Твердые окатыши, прочеркнули серую ночь, разделенную столбами дневного света, и обрушились на Дневных. Варвары закричали, подняли окованные медью щиты. Несколько человек было сражено. Новый залп — твердые, будто камень, окатыши забарабанили по щитам. Шерван опал в лужу. Умирая, зверь выползал и выползал наружу. Лучи жгли и терзали тело ночного червя, но шерван уже был почти мертв, его голова испарилась, расплавилась в свете Дня, при помощи магии созданного варварами.

Снова взорвалась земля — еще один шерван прокопал тоннель навстречу Дневным. Этот был меньше первого, но сумел продвинуться дальше. Фонарщики на башнях заметили — лучи белого света рывком сместились, скрестились на мягкой округлой туше, показавшейся едва ли не под ногами Дневных. Червь стремительным броском преодолел оставшееся расстояние и рухнул на варваров. Те подняли оружие навстречу, пики пронзили податливое тело, но воины повалились, раздавленные огромной массой... Снова зашипела, сгорая, плоть, шерван заметался, от невыносимой боли выворачивая тело, скручиваясь в кольцо и стремительно распрямляясь. Еще несколько Дневных попали под удар и упали, смятые, опутанные губчатой сырой плотью. Червь дергался все медленней, Дневные подсакивали, кололи пиками и проворно отбегали. Погонщик был убит почти сразу, да и червь вскоре ослаб. Ночные снова засыпали рядами расстроенные ряды противника. Фонарщик развернул колдовское зеркало полированной меди и

повел лучом вдоль рядов пращников, чтобы ослепить и сбить с прицела... Ночные попятились, разбегаясь в стороны — вправо и влево. Земля затряслась под ногами сражающихся — из глубин поднимался гигантский червь, великий шерван Джейхура.

* * *

Колдовские лучи заметались по полю, выискивая место, где покажется гигант. Фонарщики на верхушках решетчатых башен не могли не ощущать дрожь тверди, более того — ажурные каланчи хорошо воспринимали вибрацию почвы, так что площадки с полированными медными зеркалами сейчас наверняка раскачивались все сильнее и сильнее. Светлые пятна скользили по равнине, столбы белого света между ними и ослепительными огнями на верхушках башен удлинялись и сокращались, шеренги копейщиков Дневных пятились, строй нарушился. Все ждали появления великого шервана. И он явился. Старым червем управлял, конечно, старый опытный погонщик. Обычно — самый опытный погонщик в городе. Этот рассчитал точно — направил зверя в центр строя медных воинов. Учел даже то, что напуганные Дневные подались назад, когда земля заколебалась под ними.

Сперва твердь просела, стала осыпаться в стремительно растущую воронку. Донесся глухой гул. Звук был негромкий, но мощный. Воины в блестящей меди заметались, ломая строй... Вот сразу больше десяти человек, пронзительно вопя, рухнули в яму, соседи кинулись бежать, отталкивая друг друга, лучи с башен скрестились на воронке — и Лашману было отлично видно, как Дневные бегут, падают, скользят по наклонным стенкам ямы, хватают друг дружку за оружие и одежду, увлекают в падении соседей...

Пращники Ночных снова стали пускать окатыши, но перепуганные варвары не пытались сгрудиться и прикрыть строй сомкнутыми щитами — они бежали, спешили убраться подальше от того места, где покажется великий шерван.

Сперва растущая воронка имела округлые очертания, затем просел обширный длинный участок почвы, червь развернулся — и земля поглотила большой отряд Дневных. Варвары выли и орали, перекрывая гул и подземный грохот. Потом стало происходить удивительное — вместо того чтобы оседать, земля стала вспучиваться, поползли трещины, из них фонтанами била грязная жижа... Края трещин поднимались все выше... Пласты сырой почвы вставали дыбом, опрокидывались, Дневные пятились, истошно воя, — сила Ночи надвигалась на них из глубин.

Шерван вылетел из-под земли, словно окатыш, выпущенный опытным пращником, — живая гора стремительно взмыла над развороченным болотом, взметнулась к небу, минуя белые лучи. Пронзительно зашипела пронзенная светом плоть, в лучах волшебных светильников бока червя обратились в дымящиеся язвы, однако великий шерван был настолько огромен, что эти страшные раны злили, но не убивали его. Голова чудища обрушилась на Дневных с неба, смяла, вбила в почву целые ряды вместе с их острым оружием и доспехами из полированной меди. Столбы света мгновенно сместились, настигли переднюю часть червя, чудовищная голова метнулась, сбивая пятящихся воинов Дневных, а тело продолжало выползать и выползать из гигантской ямы. Лучи металлись, преследовали шервана, жгли и язвили его, свет стал плотным, белым, почти осязаемым. Фонарщики Дневных швыряли, не жалея, волшебный порошок в

гудящее пламя, вогнутые зеркала казались кратерами разъяренных вулканов, они исторгали волны яростного излучения, губительного для созданий Ночи.

Король Ночи двинул черного ангварга — он повел кавалерию ближе к рядам захватчиков.

Шерван метался и изгибался на равнине — вернее, его передняя часть. Червь продолжал выползать на поверхность, где его ждали обжигающие лучи Дня. Он уже двигался не так стремительно, язвы на боках и голове росли, становились глубже и шире, но червь сминал и давил все новые ряды Дневных. Лашману было видно, как погонщик быстро-быстро проводит тыльной стороной ладони по лицу. Его зверь умирал, но старик, рыдая, гнал питомца на воинов Дня, не давал уйти под землю, скрыться от жалящего света... Там, где тушу настигли белые лучи, плоть разъедало, она разваливалась, плавилась, разъезжалась гигантскими ранами, стекала мутной жижей и клубилась вонючим густым паром. Червь инстинктивно стремился зарыться в землю, укрыться в темной глубине от жалящих лучей Дня, но погонщик направлял его снова и снова на воинов в медных латах. И шерван рвался из последних сил, необъятные бока раздувались и сокращались, посылая вперед изуродованную голову... Дневные бежали, но, едва оказавшись в стороне от червя, останавливались. Чудовище делало новый рывок — вправо, влево, изогнувшись... То и дело под удар гиганта попадали группы варваров, которые, отыскав ровный участок почвы, собирались, чтобы восстановить строй.

Когда из развороченной ямы показался округлый задний сегмент шервана, король Ночи выхватил из ножен клинок и заорал, перекрывая шум битвы — треск горящей плоти, вопли напуганных Дневных,

звон их оружия, плеск и грохот сотрясающихся земель и вод... Громоздкая кавалерия Ночных устремилась на потерявших строй варваров.

* * *

Червь еще шевелился и, понукаемый рыдающим погонщиком, пытался настичь медных воинов, когда Лашман увлек кавалерию туда, где Дневные собрались плотной толпой. Варвары еще не успели выровнять ряды и создать стену щитов. Черный ангарг вынырнул из темноты, словно осколок ночи. Грузное тело зверя опрокинуло Дневных, король взмахнул мечом. Длинный клинок, усаженный острыми зубами бейраха, обрушился на медный шлем, смял и проломил сферическую поверхность, Лашман ударил ангарга пятками, черный совершил длинный прыжок и приземлился среди растерянных Дневных. Фигура Лашмана в черных доспехах, припавшая к шее черного скакуна, сливалась с массивным ангаргом, они вместе напоминали лоскут ночи — истерзанной, порезанной магическими лучами Ночи, будто тьма явилась отомстить за поругание. Король снова ударил, склонился в седле и еще раз взмахнул черным роговым клинком. Тяжелое оружие вибрировало и упруго пружинило, сталкиваясь с металлическими доспехами. Воины Ночи пробились к королю, окружили плотным, тяжело дышащим кольцом, тяжеленные палицы поднимались и опускались, поражаемые. Дневные пятились, падали, пытались собраться кучей, чтобы противостоять мощному натиску кавалерии, — но не могли, не успевали. Бронзовые наконецники пик царапали панцири из кости и хитина, отыскивали бреши, жалили массивные тела дружинников. Ночные рычали и били наотмашь. Их оружие

сметало с одного удара, медные латы варваров прогибались под палицами отборных воинов короля Лашмана. Ангварги сбивали, топтали и терзали врагов, Дневные пятились, их все сильнее охватывал страх перед Ночью.

Чаглави уже повредил меч, но, изогнувшись в седле, пропустил удар пики над плечом, перехватил древко, рванул — ноги Дневного оторвались от земли, пехотинец с криком взлетел, перевернулся, отлично выученный ангварг королевского оруженосца дернул шеей, острые зубы сошлись на горле варвара, крик стих, брызнула кровь — черная в черноте ночи. Ночь была повсюду. На вышках фонарщики сыпали и сыпали в пламя магическое топливо, но их действия потеряли слаженность. Часть лучей облизывала, жгла и пожирала тушу агонизирующего великого шервана, другие пытались осветить ряды пехотинцев Джейхура, ослепить и заставить остановиться, еще один — метался среди смешавшихся рядов медных воинов, тщетно пытающихся остановить натиск кавалерии Лашмана. Всадники прошли насквозь беспорядочные ряды Дневных и развернулись. За ними вяло шевелились изломанные, растоптанные, изувеченные тела в медных латах, доспехи, залитые кровью, больше не слали отсветов в ответ, когда белый луч с вышки касался их. Ночь побеждала. На противоположном фланге, у морского берега, медные все еще пытались сомкнуть ряды и дать отпор джейхурцам, но со стороны равнины, когда король развернул всадников для повторной атаки, левый фланг Дневных побежал. Они мчались к скалам, за которыми остались их корабли, бросали на бегу тяжелые щиты, шлемы и неуклюжие пики.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог.	5
Глава 1. ДЖЕЙХУР	11
Глава 2. ЗАМОК.	44
Глава 3. ЗВЕЗДНЫЕ СТРАННИКИ	77
Глава 4. ДНЕВНАЯ СТОРОНА.	93
Глава 5. ТРОПА СОЛНЦА	128
Глава 6. МОРЕ.	155
Глава 7. АМАГАР	192
Глава 8. К ИСПОРЧЕННЫМ ЗЕМЛЯМ	231
Глава 9. ПОЛЫЕ ХОЛМЫ.	260
Глава 10. ПРОСНУВШИЙСЯ БОГ	290
Глава 11. ДРАКОН.	312
Глава 12. ЗАМОК	327
Глава 13. СОЛЕННЫЕ ВОЛНЫ.	353
Глава 14. НЕБО ДНЯ И НЕБО НОЧИ.	373